

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

необходимо возможно полное историко-географическое изучение закаспийской старины, имѣющее высокое значеніе не только для археологій, но и для современнаго возрожденія края, которому, какъ кажется, суждена блестящая будущность на нашемъ Востокѣ.

И такая «въ настоящее время единственная задача археологій въ Закаспійскомъ крайѣ», прибавимъ мы съ своей стороны, по отношенію къ Старому Мерву и его развалинамъ выполнена проф. Жуковскимъ блистательнымъ образомъ.

II.

Отзывъ члена-сотрудника Б. А. Тураева¹⁾ объ изслѣдованіи М. В. Никольскаго: „Клинообразныя надписи Закавказья“. (Матеріалы по археологій Кавказа, выпускъ V. Москва 1896 г. 133 — 2 стр. 4°. Съ 33 табл.).

Въ то время какъ образованное общество и правительства въ Западной Европѣ уже давно прилагаютъ всѣ возможныя усилія для всесторонняго изученія древняго Востока и, въ частности, столь важной во всемірной исторіи вавилонской культуры; въ то время, какъ неутомимая энергія специалистовъ и вообще ученыхъ, а также и людей другихъ профессій достигаетъ то и дѣло важныхъ и даже неожиданныхъ результатовъ, у насъ до послѣдняго времени этого рода занятія были предоставлены частной инициативѣ отдѣльныхъ ученыхъ и любителей, не встрѣчали сочувствія и интереса въ обществѣ и даже почти не успѣли себѣ завоевать права гражданства въ ученыхъ учрежденіяхъ. Результаты, конечно, у всѣхъ на лицо. Для того, кто имѣлъ счастливый случай видѣть сокровища не только Nimroud и Kouyunjik Gallery и Assyrian Basement или ахеменидскихъ залъ Лувра, но даже другія, болѣе скромныя собранія въ Западной Европѣ, становится жутко и больно въ Эрмитажѣ, этомъ наиболѣе близкомъ къ центрамъ археологическихъ находокъ Музеѣ и по географіи, и по культурѣ... Но если мы долго забывали о древнемъ Востокѣ, область котораго непосредственно граничитъ съ нашимъ отечествомъ, то онъ незамедлялъ самъ напомнить намъ о себѣ и постучаться въ двери нашей науки. Въ 60-хъ годахъ Преосв. Месронъ, тогда еще простой монахъ, своими находками клинообразныхъ надписей въ предѣлахъ русской Арменіи доказалъ, что древній

1) [На основаніи этого отзыва М. В. Никольскому въ 1897 г. была присуждена большая золотая медаль Общества. *Ред.*].

Востокъ еще ближе къ намъ, чѣмъ мы думали, что ассиро-вавилонская культура простерла свои вѣтви до Кавказскаго хребта и оставила нашей наукѣ въ наслѣдство вызванные ею къ жизни памятники. Но наша наука долго отказывалась отъ этого наслѣдства и даже едва не упустила его изъ рукъ, совершенно подобно тому, какъ это сдѣлала наша Церковь относительно потомковъ создателей этой культуры — ассиро-халдеевъ, долго тщетно искавшихъ сближенія съ ней и, въ концѣ концовъ сдѣлавшихся добычей западныхъ пропагандистовъ. Къ счастью, между нашими учеными нашлись люди, понимавшіе задачи нашей науки и съумѣвшіе съ достоинствомъ содѣйствовать ихъ разрѣшенію. Если труды проф. Патканова представляютъ собой у насъ ту эпоху въ изученіи «ванскихъ» надписей, когда еще не былъ опредѣленъ ихъ языкъ и археологія, то высокоуважаемый М. В. Никольскій явился, по своей неутомимой энергіи, достойнымъ современникомъ и сотрудникомъ Сэйсовъ, Мюллеровъ, Лемановъ. По степени историческаго таланта, широтѣ мысли и обобщеній онъ даже превосходитъ многихъ изъ западныхъ ориенталистовъ-филологовъ. Заслуги М. В. предъ отечественнымъ востоковѣдѣніемъ оцѣнить, конечно, въ свое время исторія послѣдняго, но и мы не можемъ здѣсь не воспользоваться случаемъ и не припомнить, что главнымъ образомъ его инициативѣ и трудамъ обязана своимъ существованіемъ «Восточная Коммиссія» при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; подъ его редакціей жилъ и развивался основанный имъ второй органъ русскихъ ориенталистовъ «Древности Восточныя»¹⁾. Долгое время съ университетской кафедры въ качествѣ единственнаго представителя ассириологіи въ Россіи, а потомъ и въ ученыхъ статьяхъ, и въ популярныхъ очеркахъ М. В. старался дѣлать все возможное для напоминанія нашей наукѣ и нашему обществу его задачъ и обязанностей относительно изученія древняго Востока. При такихъ условіяхъ, конечно, не могъ пройти незамѣченнымъ такой крупный фактъ, какъ появленіе въ предѣлахъ нашего отечества клинообразныхъ надписей и работы надъ ними иностранныхъ ученыхъ. И вотъ, М. В. уже нѣсколько лѣтъ трудится надъ ними, изучая и даже собирая ихъ на мѣстѣ въ достопамятную экспедицію въ Закавказь въ 1893 г. вмѣстѣ съ А. А. Ивановскимъ. Благодаря успѣху тяжелыхъ трудовъ, съ которыми была сопряжена эта экспедиція, наука въ настоящее время обладаетъ изданіемъ, служащимъ предметомъ нашей замѣтки.

1) Безъ сомнѣнія ему же обязанъ своимъ существованіемъ прекрасный клинообразный шрифтъ, кажется первый и единственный въ Россіи и имѣющій характерныя особенности, выгодно отличающія его отъ употребляемыхъ въ типографіяхъ Западной Европы.

Издание это, составляющее пятый выпуск «Материаловъ по Археологiи Кавказа» замыкаетъ собой пока цѣлый рядъ другихъ трудовъ автора по тому же вопросу, а потому и должно разсматриваться непременно въ связи съ ними. Кромѣ предварительныхъ изданiй, отдѣльныхъ надписей, сообщений и замѣтокъ въ «Восточныхъ древностяхъ» и «Археологическихъ извѣстiяхъ и замѣткахъ», ему принадлежить первый опытъ собранiя надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россiи, гдѣ, кромѣ изданiя и толкованiя текстовъ мы находимъ прекрасный очеркъ исторiи оставившаго ихъ народа. Здѣсь историческiй талантъ автора вполне обнаружилъ себя; ему удалось впервые съ достаточной ясностью опредѣлить мѣсто и значенiе этого народа во всемирной исторiи, какъ соперника универсальнаго ассирийскаго могущества, какъ достигшаго, хотя и на короткое время, преобладанiя въ Азiи и древнемъ мiрѣ. Его теорiя (сходная съ высказанной Гоммелемъ)¹⁾ о распространенiи государства съ сѣвера на югъ, съ Арарата къ Вану также не лишена вѣроятности. Знакомство лицомъ къ лицу со страной археологическихъ находокъ во время экспедицiи дало, конечно, возможность, уяснить и въ частности ходъ этой исторiи; результаты своихъ наблюденiй и выводовъ, основанныхъ на топографическомъ изученiи мѣстности, авторъ сообщилъ въ талантливомъ очеркѣ «Древняя страна Урарту», помѣщенной въ журналѣ «Землеводѣдiе» за 1895 г. (II, 1), а также, и притомъ съ достаточной полнотой и ясностью, въ интересующемъ насъ изданiи. Къ сожалѣнiю, экспедицiи не удалось подвергнуть изученiю всѣхъ интересныхъ въ археологическомъ отношенiи мѣстностей, но и то, что сдѣлано, проливаетъ много свѣта на ходъ «урартской» исторiи, а приложенныя фототипическiе виды и карта служатъ важнымъ пособiемъ для работы въ кабинетѣ. Такъ, мѣстность Ташбуруна у великаго Арарата, бывшая первоначально отдѣльнымъ царствомъ и завоеванная Менуа, служили, какъ оказалось, важнымъ стратегическимъ пунктомъ и ключемъ для господства надъ Эриванской равниной; многочисленныя развалины укрѣпленiй, изслѣдованныя экспедицiей, даютъ на это ясныя указанiя. А. А. Ивановскiй попутно изучалъ базальтскiя скалы съ барельефами «урартскаго» характера; эти памятники даютъ намъ новый материалъ для сужденiя о мѣстномъ искусствѣ. Надо надѣяться, что и предположенiе М. В. о мѣстѣ Лухiунни на Цолкергѣ найдетъ себѣ подтвержденiе. — Весьма плодотворны были изысканiя въ Армавирѣ, гдѣ первыя находки клинообразныхъ надписей еще въ 1869 г. обратили на себя вниманiе ученаго мiра и напомнили о томъ ореолѣ древности, которымъ окружаетъ эту область Мойсей Хоренскiй. М. В. увѣренъ, что извѣстiя

1) *Geschichte Babylonien-Assyriens*, p. 627.

этого историка — отголоски древнѣйшаго періода мѣстной исторіи, когда Армавирь, судя по его географическому положенію и обилію находокъ, долженъ былъ быть важнымъ религіознымъ и культурнымъ центромъ. По мнѣнію автора, раскопки, предпринятыя здѣсь въ 1881 г. гр. Уваровымъ, вовсе неопровергли тѣхъ отрицательныхъ результатовъ, какіе приписывались имъ; изученіе этихъ результатовъ въ связи съ собственными археологическими изысканіями убѣдило автора въ принадлежности многихъ архитектурныхъ памятниковъ и, особенно, ихъ матеріала, къ «урартской» эпохѣ. Весьма остроумно сопоставленіе Армавира съ Салманассаровымъ Арамали (= жилище Арама), а также ссылка на Моисея Хоренскаго, извѣстія котораго о древнѣйшемъ періодѣ считаются многими изслѣдователями переработками позднѣйшихъ книжныхъ матеріаловъ и искусственными комбинаціями. На сколько мы имѣемъ право голоса въ этомъ вопросѣ, намъ кажется, что трудно присоединиться къ этому крайнему мнѣнію и не убѣдиться доводами М. В., когда онъ сопоставляетъ Моисеева Арама съ историческимъ, Менаваза — съ Менуа, Арменака, который у того же Моисея, назвалъ Алагезъ по своему имени Арагатцемъ — съ Аргишти и говорить, что рассказы армянскаго историка о завоеваніяхъ этого царя въ общемъ совпадаютъ съ тѣмъ, что дѣйствительно происходило въ эту древнѣйшую эпоху въ Эриванской равнинѣ. Авторъ употреблялъ во время экспедиціи не мало труда и усилій на изслѣдованіе этой много обѣщающей въ археологическомъ отношеніи мѣстности Алагеза и Гулджана; хотя ему и не удалось произвести раскопки, но изученіе топографическихъ условій убѣдило его въ важности стратегическаго и культурнаго значенія этой мѣстности. Подобное же заключеніе было результатомъ изученія Александропольской долины, этого «важнаго пункта скрещиванія различныхъ трактовъ, ведущихъ по различнымъ направленіямъ въ населенныя мѣста Большаго и Малаго Кавказа». Найденная въ Ганлянджѣ надпись повѣствуетъ о завоеваніяхъ различныхъ странъ на сѣверѣ и авторъ старается установить географію этихъ странъ. Попутно авторъ коснулся города Ирданіуни, который онъ помѣщаетъ на холмѣ близъ мѣста находки надписи со слѣдами древнихъ укрѣпленій «урартскаго» характера; это — самый сѣверный пока пунктъ «урартскихъ» завоеваній. Долина Кара-чая и для «урартскихъ» царей была естественнымъ путемъ съ верховьевъ великихъ рѣкъ на сѣверъ. А. А. Ивановскій изслѣдовалъ ее со многочисленными развалинами крѣпостей и Сарыкамьшскимъ холмомъ съ важной надписью о завосваніяхъ царя Аргишти. И здѣсь М. В. дѣлаетъ изслѣдованія въ области древней географіи страны Etüni, о которой и идетъ дѣло въ надписи. Первый же городъ, упоминаемый въ ней — Añigiani прямо совпадаетъ съ армянскимъ названіемъ Арначал-

Ахурейанъ: это — центръ покоренной страны. Область Эривани и Эчмиадзина по теченіямъ рѣкъ Занги и Касаха и на дорогѣ чрезъ Малый Кавказъ къ Большому кромѣ стратегическаго, должны были и въ древности, какъ и теперь, имѣть важное культурное значеніе и авторъ предполагаетъ, что здѣсь именно и былъ центръ до возвышенія Армавира. Страна эта названа Егіаіні; тожество съ Эриванью не подлежитъ сомнѣнію и А. А. Ивановскому удалось, повидимому, найти и самое мѣсто древней Эривани, какъ города на укрѣпленномъ холмѣ Ганли-тапѣ, доставившемъ также клинообразную надпись. Отсюда на сѣверо-востокѣ, въ Эйлярскомъ ущельѣ найдена другая надпись, повѣствующая о покореніи царемъ Аргишти страны Улуани. Какъ Ганли-тапъ, такъ и Эйляръ, говорятъ авторъ, были этапами завоевательнаго движенія Аргишти къ Гокчѣ и Большому Кавказу долиной Занги, по которой и теперь происходитъ сообщеніе Эривани съ Тифлисомъ. Крайнимъ пунктомъ на этомъ пути былъ Ордаклю, гдѣ найдена надпись, рассказывающая о покореніи страны Кіеһуні и города Иштикуни. Авторъ приводитъ имя Кегахуні, употреблявшееся въ армянскій періодъ для сѣвернаго берега Гокчи, а мѣсто города имъ найдено на одномъ изъ ближайшихъ къ Ордаклю холмовъ, гдѣ оказались развалины, подобныя ташбунскимъ. Поступательное движеніе царей на сѣверъ, повидимому, остановилось на этомъ пунктѣ. За-то южный берегъ Гокчи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ энергичной дѣятельности преемниковъ Аргишти. Эту мѣстность изслѣдовалъ одинъ А. А. Ивановскій и пришелъ къ интереснымъ выводамъ и предположеніямъ, но особенно важна для науки его побѣда надъ самой природой — снятіе эстампажа недоступной до тѣхъ поръ надписи на отвѣсной скалѣ надъ озеромъ у Келаны - Кирланы. Только теперь, въ этомъ изданіи, этотъ наиболее интересный памятникъ получилъ настоящее освѣщеніе и точное изданіе; до тѣхъ поръ его считали потеряннымъ для науки. Онъ оказался единственнымъ пока, дошедшимъ отъ времени царя Русы I, который, не смотря на тяжелую пору для государства, находилъ, судя по нему, время и для округленія границъ, и подчиненія цѣлыхъ 23 царствъ, и для основанія новыхъ резиденцій. Интересны попытки локализации этихъ царствъ, а также новая справка у Моисея Хоренскаго. И здѣсь, какъ оказывается, «армянская легенда есть только отголосокъ урартскихъ завоеваній». — Таковъ, въ общемъ, тотъ новый матеріалъ, который даетъ намъ изданіе и который обязанъ своимъ появленіемъ на его страницахъ экспедиціи 1893 года. О многихъ остроумныхъ сближеніяхъ, замѣчаніяхъ и предположеніяхъ мы не имѣли возможности упомянуть; все это проливаетъ не мало свѣта на судьбы загадочнаго народа.

Кромѣ топографическихъ изслѣдованій, экспедиція занималась также

разыскиваніемъ памятниковъ, снятіемъ съ нихъ точныхъ эстампажей и фотографій. Это почти во всѣхъ случаяхъ блистательно удавалось, причемъ обнаружилась какъ дальновидность царей, помѣщавшихъ свои памятники въ незамѣтныхъ мѣстахъ и достигшихъ этимъ, вмѣсто временнаго шума, занесенія на вѣчныя страницы исторіи, такъ и наша безпечность въ дѣлѣ сохраненія надписей, изъ которыхъ многіе долго валялись подъ открытымъ небомъ, пока ихъ не убрали въ Эчміадзинскій музей; другія находятся на дворахъ приставовъ и уѣздныхъ начальниковъ. Въ своемъ прежнемъ изданіи, М. В. высказываетъ съ благороднымъ негодованіемъ горькую истину: «неужели нельзя было помѣстить въ болѣе приличномъ мѣстѣ эти памятники, имѣющіе первоклассное значеніе для всемірной исторіи? Еслибы эти памятники найдены были на англійской территоріи, они давно бы служили украшеніемъ Британскаго Музея». Я могъ бы къ этому еще прибавить, что попадаи они въ Германію, для нихъ бы устроили если не специальный областной музей на мѣстѣ ихъ находокъ съ залами, орнаментированными въ ассиро-урартскомъ стилѣ, то, во всякомъ случаѣ — отвели бы такую залу въ столичномъ, національномъ музеѣ. У насъ въ данномъ случаѣ, при совершенно своеобразныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится пресловутый «Кавказскій Музей» въ Тифлисѣ, единственная надежда остается на «Историческій Музей» въ Москвѣ, гдѣ уже греческія древности южной Россіи нашли себѣ вполнѣ приличное помѣщеніе. Отчего бы не отвести его и для памятниковъ гораздо болѣе древнихъ и, во всякомъ случаѣ, нисколько не менѣе важныхъ и интересныхъ? Но это дѣло будущаго, а въ настоящее время мы обязаны М. В. новымъ точнымъ изданіемъ текстовъ; приложенныя прекрасныя фототипіи даютъ возможность каждому провѣрить его чтенія, конъектуры и возстановленія и убѣдиться въ правильности большинства изъ нихъ. Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ подробности этой стороны изданія, равнымъ образомъ долго останавливаться на его филологической части. Авторъ самъ признаетъ общезвѣстный фактъ неустановленности ванскихъ лексикона и грамматики; исторія толкованія текстовъ даетъ намъ на каждомъ шагѣ достаточно примѣровъ, подтверждающихъ это. Въ виду этого, конечно, и настоящее изданіе не можетъ претендовать на значеніе послѣдняго слова. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить кое-что изъ того новаго, что оно даетъ и что, какъ я думаю, сдѣлается достояніемъ науки. Благодаря новымъ снимкамъ удалось исправить и установить чтеніе напр. надп. IV (стр. 59—60), X—XI (стр. 42—49); въ первыхъ двухъ Ташбурунскихъ надписяхъ чтеніе имени страны Luhiunini пришлось измѣнить въ Lūhiunini и удалось подтвердить многія старыя восполненія; чтеніе надп. III (стр. 29), не разысканной во время экспедиціи, и еще въ

прежнемъ изданіи всецѣло принадлежатъ М. В. На основаніи двуязычной надписи ему также удалось опредѣлить въ I, 3 (стр. 23) значеніе пификса *ka* = *ina ran* (стр. 26); въ стереотипной заключительной фразѣ принять (напр. на стр. 30) *dat.* вмѣсто прежняго ошибочнаго *pot.*; толкованіе словъ *'arī* и *karišīni* въ XIX н. (стр. 68—69), предложенное еще въ предварительномъ изданіи этого текста («Клинообразная надпись изъ Ганли-тапа» въ изд. «Древности Восточныя» II, 26) также имѣетъ много за себя, будучи основано на изученіи мѣстности находженія. Въ настоящемъ изданіи удержана также принятая въ предшествующихъ трудахъ автора транскрипція именъ «урартскихъ» царей, болѣе соответствующая духу русскаго языка, и дающая чистую основу, на сколько это возможно при помощи ассирійскихъ формъ. Мнѣ кажется также, что и переводъ географическихъ терминовъ на *hīnīli* (напр. *Menuahīnīli*) = «мѣстопребываніе такого-то» имѣетъ много за себя, тѣмъ не менѣе ожидалось бы выслушать по этому поводу мнѣніе автора о толкованіи Белька (*Zeitschr. für Ethnologie. Verhandlungen* 1893, p. 421): «дворецъ», тѣмъ болѣе, что къ нему примкнулъ и Леманъ, авторитетность котораго въ нашемъ вопросѣ, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Вообще мы бы ожидали отъ автора большихъ экскурсовъ въ область толкованія и филологіи и число вопросительныхъ знаковъ при его переводахъ намъ кажется все еще не вполне достаточнымъ (напр. XVII, 9 = стр. 52 *du-li* = «по реставраціи»?). Впрочемъ мы надѣемся, что авторъ прибережетъ эти филологическія замѣчанія для глоссарія, который навѣрное послѣдуетъ за окончаніемъ его «*Corpus Inscriptionum Chaldaicarum*» (или *Vanensium*, если этотъ терминъ кажется менѣе «проблематичнымъ»). Мы увѣрены, что разсмотрѣнный нами выпускъ — только первая часть того труда, который русская наука ожидаетъ отъ М. В. и который обниметъ собой всѣ надписи загадочнаго народа, найденныя и въ Турецкой Арменіи и, можетъ быть, тѣ, которыя будутъ результатомъ археологическихъ изслѣдованій Елисаветпольской губерніи. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ этотъ трудъ въ настоящее время, онъ, по нашему убѣжденію, представляетъ выдающееся явленіе въ исторіи отечественнаго востоковѣдѣнія и можетъ быть смѣло поставленъ на ряду съ «*Corpus Inscriptionum Hebraicarum*» Д. А. Хвольсона и «*Inscriptiones orae septentrionalis Pontus Euxini*» В. В. Латышева.